

ИВАН ПРОЩЕРЯКОВ

ТАРГЫН

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Невыдуманные истории

Иван Прощеряков

Таргын. Первое испытание

«Автор»

2026

Прощеряков И.

Таргын. Первое испытание / И. Прощеряков — «Автор»,
2026 — (Невыдуманные истории)

После страшного потопа в горном поселке двое мальчишек — Витя и Мишка — помогают спасателям, ищут пропавших, собирают помощь для соседей и даже находят золото, чтобы отдать его людям. Это история о дружбе, мужестве и взрослении, о семье и маленьких радостях — новогодних костюмах, санках, книгах и мечтах. О том, как в беде рождается сила, а детство становится началом настоящей жизни.

© Прощеряков И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	19
Глава 9	20
Глава 10	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Таргын. Первое испытание

Глава 1

Я закончил второй класс — ура! Впереди были долгожданные каникулы и целое лето 1953 года. Лето — это когда можно забыть про школу и тетради, бегать по улицам до темноты, гонять по лужам после дождя, вываливаться в грязи и потом долго отмываться в бочке с дождевой водой. Почти полная свобода... если не считать тех минут, когда мама звала обедать или просила покачать маленькую сестрёнку.

Сестрёнке было всего два месяца — пухленькая, с длинной шеей и удивительно большой головой. Она смотрела на меня зелёными глазами так серьёзно, будто хотела рассказать какую-то тайну. Лежала в подвесной люльке, дрыгала ручками и ножками, мурлыкала что-то своё, понятное только ей. На руки брать её мне запрещали — моя обязанность была качать люльку и звать маму, если она заплачет.

Отец работал шофёром, возил грузы по всей области. У мамы большая семья — шесть сестёр и два брата. И у четырех сестёр мужей звали Иванами! Так и говорили: «четыре Ивана». Потом и пятая вышла замуж... тоже за Ивана.

В начале лета отец вернулся из рейса и огорошил маму новостью:

— Нашёл хорошую работу. Но надо переехать. В Таргын.

Мама вспыхнула:

— Как переехать? Мы же там уже жили! Старшая дочь там родилась! Сколько можно таскать нас по деревням? Только обживёмся — опять в путь. Да и малышке два месяца всего!

— Пойми, мать, — спокойно сказал отец. — Должность хорошая, завхозом зовут. Значит, помнят меня. С переездом помогут — дадут грузовую машину и автобус.

— А дом? Мы ведь только купили...

— Сдадим на год. Там дают дом на берегу речки, шестнадцать соток огород. Квартирантов я уже нашёл.

Мама скрепя сердцем согласилась. А мне переезд совсем не нравился.

Я помнил прошлый — когда мы жили на мельнице, далеко от деревни. Ни поиграть, ни поговорить не с кем. Единственный мой друг — огромная кавказская овчарка по имени Грозный. Он был вдвое больше меня, но терпел все мои шалости.

Когда приезжали люди молотить зерно, Грозного сажали на цепь возле огромного пня почти метр высотой. Мне тогда было года четыре.

Помню, однажды казахи привезли зерно на верблюде на котором сидел мальчишка лет шести и начал дразнить Грозного — кидал камни, рычал. Я просил его перестать, говорил, что будет беда, но он только смеялся, обозвал меня и пнул верблюда в бока.

Верблюд взбесился, закричал, забился на привязи. Грозный насторожился — шерсть на загривке дыбом. Когда верблюд попятился к нему, он рванул так, что цепь разлетелась, и грудью сбил верблюда с ног. Мальчишка отлетел в сторону, верблюд барахтался, а Грозный, как победитель, вернулся на свой пень и улёгся.

Начался шум, крики. Один казах вытащил ружьё. Я забрался к Грозному на пень и обнял его, закрывая собой. На крик прибежал отец, выхватил ружьё и бросил его в реку. Потом поднял хозяина верблюда за грудки и сказал тихо, но так, что все притихли. Порядок был наведен.

Были и другие приключения. Однажды я нашёл в ларе для муки двух мышей. Поймал их, гордо принёс отцу. Он удивился, взял их за хвосты... и тут одна мышь укусила меня за палец и повисла. Кровь текла ей прямо в рот, а я стоял и смотрел. Мама прибежала, сняла мышь, обработала рану. Потом поездка в районную больницу, уколы... палец болел долго.

Зима на мельнице была страшной. Сугробы выше окон, во двор — только тропинки к сараю и мельнице. Волки каждую ночь были под окнами. Грозного закрывали в сарае со скотиной.

Но однажды ночью он вырыл подкоп и вступил с волками в бой. Вой, визг, рычание... потом тишина. Мы думали — пропал.

Утром мама вбежала радостная:

— Грозный жив! Только покусан сильно!

Отец с мужиками нашли шесть мёртвых волков. В ту зиму волки больше не приходили.

Весной мы вернулись в город, в нашу землянку. Но впереди нас ждали новые дороги — потому что у отца была неутомимая тяга к переменам, а мама, строгая и гордая, всё равно шла за ним.

Глава 2

Так закончилась первая эпопея переездов в моей памяти. А мы, дети, страдали больше всех: только привыкнешь к школе, к друзьям, к улицам — и снова чужие лица, чужие учителя, чужие дома.

Но что уж там... впереди была новая жизнь, неизведанная, манящая приключениями.

И вот — мы едем в Таргын!

Утром, чуть свет, к дому подъехали грузовая машина и автобус — новенький, на базе ГАЗ-51. В марках машин я уже разбирался и сразу оценил. Погрузили пожитки, мама отдала ключи квартирантам, и мы двинулись в неизвестность.

Ехали весь день. К вечеру добрались до нового места. Мы-то ладно, а вот сестрёнка, которой было всего два месяца, стойко перенесла дорогу — только тихо сопела в люльке.

Дом оказался большой, крепкий, с просторным двором и множеством построек. Нас уже ждали — во дворе горел свет. Я первым ворвался внутрь, обежал комнаты — их было четыре и огромная кухня. В одной комнате увидел широкую полку возле печки. Позже мама объяснила: это полаты, на них спят. Я сразу «застолбил» себе это место.

Наутро, едва рассвело, я пошёл осматривать владения. Двор был огорожен от огорода деревянным забором. Два сарая стояли буквой «Г»: один хлев, а второй — настоящая мастерская, с инструментами на стенах. Я мысленно объявил её своей.

За огородом тянулось большое вспаханное поле, а за изгородью... речка. Настоящая речка! У меня дух захватило. Ни идти далеко, ни просить разрешения — всё рядом. И купаться можно, и рыбачить.

Я вспомнил, как когда-то видел, как рыбу ловят вилкой, и решил попробовать. Дома была суeta — мыли полы, разбирали вещи. С трудом нашёл вилку и бидончик и отправился на «тихую охоту».

Сначала не получалось. Камень отодвинешь — рыба юркнуёт. Потом приноровился. Через час бидончик был полон гольянов. Принёс домой — мама удивилась. Через полчаса жаркое из рыбы было готово. Завтрак удался на славу — свежая речная рыбка и стакан молока.

Сытый и довольный, я спросил, чем помочь.

— Не мешайся под ногами, иди гуляй, — ответила мама.

Ну, гулять — так гулять.

Я решил познакомиться с соседями. Подошёл к калитке, постучал — тишина. Уже хотел уйти, как услышал голос:

— Эй, это ты стучал?

Передо мной стоял пацан моего возраста. Так я познакомился с Мишкой.

Он провёл меня в беседку — просторную, шестиугольную, в дальнем углу двора. По кругу широкие скамейки, посередине длинный стол. Мы устроились в углу на матрасах — как в тайной комнате.

Разговор пошёл легко, будто мы знали друг друга сто лет. Мишка рассказывал про посёлок, школу, шахту в горах, про «Золотые ворота» — каменную арку в ущелье, через которую надо пройти к озёрам.

— Там шесть или семь озёр, — говорил он, — будто воронки, полные воды, а вокруг скалы. Когда проходишь ворота, начинается сказка. Это надо видеть.

Он описывал валуны, похожие на гигантские яйца, гору, как вулкан, и речку, прижатую к отвесной стене.

— Слушай, Мишка, давай туда ходим! — загорелся я.

— Меня одного не отпустят. Говорят, там волки...

— Волки! Где люди ходят, там волков нет. Просто родители пугают.

Мишка задумался.

— Ладно... поговорю с ними. Скажу, что с тобой.

— Вот и хорошо! У меня мастерская есть — сделаем шпаги, удочки, сачки. Порыбачим, искупаемся!

— Завтра утром начнём, — согласился он. — Как проснусь, приду.

— А гольянов ловишь? Я сегодня целый бидончик наловил!

— Не пробовал. У нас рыбу не едят.

— Ничего, научу.

Мы так разговорились, что не заметили, как подошли его родители. Мишка представил меня. Я смутился, попрощался и побежал домой.

За ужином рассказал про знакомство.

Отец улыбнулся:

— С соседями познакомился? Молодец. Люди хорошие. Надо их на праздник пригласить — познакомимся по-соседски.

И я понял, что в Таргыне нас ждёт не только новый дом, но и новые друзья... и, может быть, настоящее приключение.

Глава 3

Смеркалось. Ночь здесь наступала стремительно, словно кто-то одним движением гасил свет.

На посёлок опустилась густая тьма, и в чёрном небе рассыпались миллионы звёзд. Они мерцали, как угли от костра, разбросанные по небесному шатру. Контуры гор растворились в темноте, и только фары редких машин, которые спускались с перевала, очерчивали дорогу тонкими полосками света.

Сверчки залились дружным оркестром, будто стараясь отогнать темень. Окна домов светились разноцветными огоньками. Я спросил у отца, почему так.

— Занавески у всех разные, — сказал он. — У кого зелёные, у кого красные, синие, жёлтые... Вот и окна цветные.

Первый день прошёл удивительно плодотворно: столько увидел, узнал, познакомился. Спасибо тебе, день... теперь спать!

Полати ждали — это было моё новое лежбище. Мне там понравилось, только спускаться в темноте было неудобно. Ничего, что-нибудь придумаю.

Ночь пролетела как миг. Закрыв глаза — открыл, уже утро. Отец сказал:

— Вот так и жизнь пройдёт: открыл глаза, закрыл... и всё.

Я соскочил с полатей и пошёл на звук гремящей посуды — мама уже готовила завтрак. Выскочил во двор и побежал к речке. Окунуться в прохладную воду — это удовольствие, которое будит и даёт силы на целый день.

Пока я купался, завтрак был готов. Семья уже сидела за столом. Поели и разошлись по делам. Я пошел в мастерскую: надо подготовить инструмент, скоро Мишка придёт.

В центре мастерской, на большой чурке, стояла тяжёлая наковальня. Вторая, поменьше, стояла у входа снаружи. По стенам — шкафы и крючья с инструментами. Чего там только не было: ключи, молотки, клещи, ножовки по дереву и металлу, кувалды — от маленьких до огромных, килограммов по десять. Я даже поднять такую не мог.

Интересно, почему прежний хозяин всё это оставил? Может, умер... а наследникам не понадобилось.

Я выбрал себе молоток, ножовку по металлу, зубило. В углу стояла бухта толстой проволоки, из неё мы собирались сделать шпаги. На столе лежал обрезок рельса. Я кое-как дотащил его к чурке, на нём буду рубить проволоку.

Вспомнил про Мишку — наверное, спит. Подошёл к калитке, постучал. Выходит соня, глаза трёт.

— Ну вот, надейся на тебя! Спишь! Всё готово, давай за работу!

— Иду... родители не разбудили...

— Прощаю на первый раз. Приводи себя в порядок и ко мне! — сказал я самым серьёзным тоном.

— Ты прямо как моя мама говоришь!

— Так мы почти родственники уже! — засмеялся я. — Жду!

Вернувшись в мастерскую, я нашёл конец проволоки, распутал, отмерил кусок, положил на рельс и начал рубить. Дважды попал молотком по руке — понял, что молоток слабый, зубило отскакивает. Подобрал другой и работа пошла.

Проволока оказалась крепкая, «сталистая», как говорил отец. Рубилась тяжело. К приходу Мишки я всё-таки отрубил один кусок, правда, руку разбил и кровь выступила.

Пошёл к рукомойнику, но мама увидела, ахнула, заставила с мылом промыть, перевязала.

— Как же я теперь работать буду? Мне ещё целый день!

— Работяга нашёлся... — проворчала мама. — Подожди.

Вернулась с большими рукавицами.

— Вот, держи. Теперь работай.

Тут пришёл Мишка.

— Ещё один рабочий! — сказала мама. — Идите уж, стучите там.

В мастерской было светло из-за двух больших окон. Мы закрыли дверь и принялись за дело. Второй кусок проволоки отрубили быстрее. На левой руке я оставил рукавицу, правую снял, иначе молоток скользил.

Потом выровняли пруты на наковальне, заострили концы. На наждачном круге — огромном, почти метр в диаметре, который надо было крутить вдвоём — один крутит, другой точит, — мы довели наши шпаги до блеска.

Оставалось сделать рукояти.

Из чего — мы пока не знали.

И тут нам пришла в голову новая идея...

Глава 4

Мама позвала нас обедать. Мы сбегали к речке умыться, а к нашему возвращению стол уже был накрыт. Всё было так вкусно, что мы съели еду до последней крошки.

Я заметил в руках у мамы нож с деревянной ручкой, насаженной на круглый хвостовик. И тут меня осенило: вот же выход! Мы сделаем такие же рукояти для наших шпаг — только красивые, с узорами.

Пообедав, вернулись в мастерскую. В поленнице нашли ровное берёзовое полено без сучков. Топором и молотком накололи заготовки, выбрали сверло нужной толщины, вставили в коловорот, закрепили в тисках... и начали сверлить.

Но ничего не получалось. Сверло будто не брало дерево. Мы крутили, потели, ругались — ни на миллиметр.

Когда мы уже совсем отчаялись, пришёл с работы отец. Я попросил помочь подобрать сверло.

Он посмотрел, попросил показать, как я сверлю. Я показал.

— А теперь крути в другую сторону, — сказал он.

Я попробовал... и сверло сразу пошло вглубь!

Мы полдня мучились, а всё оказалось так просто. Отец только улыбнулся и ничего не сказал.

Мы провозились до самой темноты. Мама несколько раз звала ужинать, но нам было не до еды. Отверстия наконец были готовы, и мы разбежались по домам.

Вечером после ужина отец показал, как делать клей из сырой резины. Он нарезал резину кусочками, положил в консервную банку и залил бензином.

— К утру растворится, размешаешь и будет резиновый клей. Промажь отверстие в ручке, чуть-чуть, только по стенкам. Конец шпаги закругли, тоже клеём смажь и забивай.

Я так обрадовался, что обнял отца и поблагодарил.

После трудового дня мои полати показались настоящим раем — тепло, уютно, будто в коконе.

Утром я проснулся рано. Отец ещё не ушёл. Я сбегал на речку искупаться, вернулся, а мама уже накрыла на стол. Отец сделал выговор:

— Опоздал. Порядок есть порядок. Садимся и встаём из-за стола вместе.

Я молча кивнул.

После завтрака взялся за дело. Резина за ночь разбухла, превратилась в чёрную кашу. Я перемешал её, тонкой палочкой смазал отверстия в рукоятях, гвоздём снял лишнее. Кончик шпаги закруглил, промазал клеём и, уперев остриё в доску, стал насаживать рукоять. Она пошла мягко, послушно. Я подбил её до упора.

Теперь оставалось выстрогать форму.

Мишкину шпагу трогать не стал — пусть сам пройдёт этот путь.

К обеду пришёл Мишка, сонный, с обычной отговоркой:

— Родители не разбудили...

Я объяснил ему, что делать, и наблюдал, подсказывая. Мы сбегали за ножами. Мама дала нож только после обещания наточить его и строгать аккуратно.

Мишка принёс красивый нож с наборной ручкой из оргстекла — почти охотничий. Но ножи оказались тупыми. Хорошо, что был точильный круг. Через час ножи блестели.

Берёза строгалась туго, особенно сухая. Целый день ушёл только на форму, ещё два дня — на доработку. В конце мы отполировали рукояти и покрыли олифой.

Ручки легли в ладонь, будто выросли из неё: выемки под пальцы, маленький эфес, узор на торце. Мы были горды.

Мишка предложил отполировать клинки. Шкурки в мастерской было много — от грубой до самой тонкой. Мы сняли риски, довели металл до блеска, потом куском валенка отполировали до зеркала.

Мы даже не заметили, как закончился день. Смеркалось. Мы разбежались по домам, договорившись завтра идти к Золотым воротам — посмотреть шахту, гору Скалистую и таинственное ущелье.

Но судьба распорядилась иначе. Нашлась работа поважнее... и путешествие пришлось отложить.

Глава 5

Утром, позавтракав, я первым делом побежал в мастерскую. Мне не давала покоя одна мысль: у наших шпаг не было ножен. Как же их носить? Не за пояс же засовывать...

Я обшарил мастерскую — ни одной подходящей вещи. Вышел во двор, обошёл сарай, огород, заглянул за дом — ничего. Уже отчаявшись, сунулся в узкую щель между забором и мастерской и вдруг увидел там две старые кроватные спинки. А у них — трубчатые перемычки, как раз такие, какие нужны!

Щель была узкая, спинки переплетены выюном. Я дёргал сверху, снизу — без толку. Принёс нож, обрезал лозы — всё равно не идут. Сел подумать... и меня осенило: нужен крючок!

Отрубить кусок проволоки было делом привычным. Зажал в тисках, согнул как надо — получился отличный крюк. С его помощью я быстро вытащил спинки из щели.

Тут пришёл Мишка.

— Ну вот, — сказал я, — я уже два часа работаю, а ты спишь, как кот на солнышке!

— Хватит ворчать, — буркнул он. — Что делать будем и зачем тебе эти железки?

— Шпаги сделали. А чего им не хватает?

— Да вроде всё есть...

— А носить как будешь? В штаны затолкаешь? Пока ты спал, я нашёл, из чего ножны сделать!

— Ты же к Золотым воротам собирался...

— Ворота не убегут. Гора стоять будет. За работу!

Мы взяли ключи и начали разбирать кроватные спинки. Мишка ворчал, но помогал. Оказалось, нужна ещё отвёртка, потом ключ на двенадцать... бегали туда-сюда, пока всё не разобрали.

Трубки подошли по длине. Остальное аккуратно сложили в мастерской.

Попробовали вставить шпагу — входит только наполовину. Внутри грязь. Как она туда попала — непонятно, ведь концы закрыты.

Решили промыть водой. Налили в таз, положили трубки отмокать. А чтобы прочистить, нужна тонкая проволока.

Я обыскал мастерскую, двор, заборы, улицу — нигде нет. Вернулся злой, сел на чурку, поднял голову... и увидел её. Тонкая проволока висела прямо над моей головой!

Я от злости и смеха даже закричал. Мишка прибежал, смотрит — не понимает.

— Ты посмотри! Я весь свет обошёл, а она висит и молчит!

Мишка как стоял, так и рухнул со смеху.

— Ну ты даёшь... Нашёл же — чего психовать?

— Ты бы тоже психовал! Она рядом висит и молчит!

— Так она же говорить не умеет!

Я тоже рассмеялся. Поставил табуретку, снял проволоку, размотал.

— Сейчас отрублю кусок — и на речку. Там почистим. Напомни спички взять, а то забуду.

Мишка оживился:

— У отца есть дратва, он валенки подшивает. Намотаем на проволоку — как шомпол будет.

— Молодец! Бегом за дратвой. Я на речке буду. И вилку возьми — рыбки наловим. Есть у вас береста? Для костра пригодится!

Мы уже видели перед собой речку, костёр, дымок и блестящие ножны для наших шпаг.

А впереди нас ждали новые открытия — потому что в Таргине каждое дело почему-то превращалось в маленькое приключение.

Глава 6

Я отрубил два куска проволоки, подумал и отрубил ещё два — рыбу же жарить будем. Сбежал домой, выпросил у матери спички, взял бидон и вилки, прихватил трубки и проволоку и спустился к речке.

Разложил всё на камнях, спрятал спички в сухое место и пошёл ловить рыбку. Пока Мишка добрался, в бидоне уже плескалось штук двадцать.

— Костёр разводить умеешь? — спросил я.

— А из чего? — удивился он.

— Да веток сухих набери вдоль речки. А я пока ещё наловлю, чтобы жарить было что.

Мы занялись каждый своим делом: я поднимался вверх по течению с бидоном, а Мишка собирал дрова вниз по берегу. Рыбы в тот день оказалось много. Поднимая очередной камень, я увидел необычный камешек — он блестел сквозь тину, будто светился. Я вытащил его, промыл в воде, долго любовался и, подумав, бросил в бидон с рыбой. Потом покажу отцу.

Когда бидон наполнился, я вернулся к Мишке. Он возился с костром. Я выкопал ямку палкой, отложил рыбу на жареху, остальное отнёс домой, сказав матери, чтобы не выбрасывала камень, который лежит в бидоне.

Вернувшись, я увидел, что костёр у Мишки не получился, зато трубки он уже чистил. Я настрогал щепы из поленьев, уложил ветки, подсунул бересту, что он принёс, поджёг. Береста вспыхнула мгновенно, ветки занялись, костёр разгорелся на славу.

— Трубки готовы? — спросил я. — Будем прожигать.

Я продел проволоку в трубку, как ручку, и стал держать её над огнём, поворачивая. Когда металл покраснел, опустил в воду — она зашипела. Потом повторил, только остывать оставил на камнях. После этого постучал трубкой о камень — вся грязь высыпалась.

Тем временем Мишка сделал шомпол: намотал на проволоку дратву, намылил и чистил внутри трубки. А я готовил костёр к жарке рыбы. Вырезал из кустов черёмухи две рогаины, воткнул по бокам костра, сбрызнул угли водой, чтобы не было пламени.

Промыл проволоку, нанизал на неё рыбу через глаза, повесил на рогаины. Через пару минут рыба заплакала жирком, запахло дымком и жаром. Потом пошёл такой аромат, что у Мишки слюнки потекли — он еле терпел.

На запах пришла мама.

— Чем это у вас так вкусно пахнет?

— Подожди чуть-чуть, скоро можно будет.

Я снял рыбу, мама и Мишка тут же накинулись.

— Вы хоть мне одну оставьте! — смеялся я.

Они протянули мне по рыбке. Мишка был в восторге — такого он ещё не ел.

— Надо родителям рассказать!

— Ещё пожарим, отнесёшь им, — сказал я.

Когда мы доели, мама отвела меня в сторону.

— Где ты нашёл камень? Показывал Мишке?

— Нет. Я сразу в бидон спрятал.

— Вот и хорошо. Никому ни слова. Отец придёт — посмотрит.

Я кивнул.

Вернувшись, сказал Мишке подбросить дров, а сам готовил следующую рыбу. На углях повесили пискарей. Они оказались не такие жирные — подсохли, стали почти прозрачные. Мы сняли их, сделали из бересты тарелку, а потом снова повесили гольянов.

Пискарики были вкусные, но гольяны — ещё лучше.

— Вить, можно я возьму домой, угостить родителей? — попросил Мишка.

— Конечно. Я как раз хотел предложить. Ты собирай всё, а я дожарю.

Я снял рыбу, свернул проволоку кольцом, сделал крючки и протянул Мишке.

— Неси. Скажи, что это мы с тобой приготовили.

Он радостно убежал, даже через наш огород не пошёл — помчался своим двором хвататься.

Я затушил костёр и пошёл домой. Отец уже сидел за столом и рассматривал мой камень. Он был жёлтый, размером с куриное яйцо, с белыми прожилками.

Отец вертел его в руках, подбрасывал, будто проверял вес.

— Где нашёл?

Я рассказал.

— Мишке показывал?

— Нет.

— Хорошо. Завтра посмотрим, что это за камень. Мать, спрячь его.

Я почувствовал, что это не простой камень. И от этого стало тревожно и интересно одновременно.

Рано утром Мишка уже стоял у ворот — сиял от радости.

— Родителям так понравилось! Говорят, никогда такого не ели!

— Ну что, к воротам пойдём? — спросил он. — А то опять дела найдутся.

Я согласился. Сказали матери, куда идём, и отправились в путь. Через огород вышли к речке, перешли на другой берег — там идти было легче, склон положе, да и заборы не мешали.

Впереди нас ждали Золотые ворота, шахта, гора Скалистая...

И мы ещё не знали, что тот жёлтый камень из-под речного валуна уже начал менять нашу судьбу.

Глава 7

Тропинка вдоль берега петляла узкой ленточкой. Трава стояла по пояс, и местами приходилось продираться сквозь неё, будто через джунгли. Тропа повторяла каждый изгиб речки, и то и дело попадались ручьи, впадавшие в неё: одни широкие, почти метр, другие — тонкие струйки из родников, бивших прямо из-под земли у самого берега.

Заборы вдоль речки тоже были разные. У одних — крепкие, доска к доске, свежие, смолённые. У других — полусгнившие, завалившиеся, кое-где их не было вовсе: сразу огород и речка. По этим заборам можно было понять, кто как живёт. Чем ровнее забор — тем зажиточнее хозяин. Чем ухоженнее грядки — тем трудолюбивее люди.

Несколько раз прямо под ногами проползали ужи. Мишка сказал не трогать — они мышей ловят.

— Да ладно, — ответил я. — У нас на мельнице в Никитинке их столько было, что ступить негде. В пруду — тоже. Лягушек ели, рыбку ловили. У нас даже один дома жил, мама его молоком поила. А у нас собака была — кавказец. Так он зимой шесть волков задавил! Они к нам приходили, выли по ночам... жуть.

— Верю, — сказал Мишка. — Потом расскажешь? Я слышал про таких собак.

— Потом как-нибудь. История длинная.

За разговорами дошли до моста и вышли на дорогу, которую называли Самарским трактом — частью Восточного кольца. Пройдя немного, свернули на грунтовку, уходящую вниз по речке, к самому ущелью, к Золотым воротам.

Спустились метров на триста и остановились.

Честно говоря, я ожидал большего. Но гора Скалистая впечатлила — огромный каменный столб уходил вверх, будто подпирая небо. Скальные выступы, как ступени, покрывали её стену. Люди рядом казались муравьями.

Речка текла прямо под скалой, местами разбиваясь о глыбы — то ли упавшие сверху, то ли лежащие тут испокон веков. Слева крутой склон, засыпанный взорванной породой. Над осыпью виднелось бетонное обрамление входа в шахту, где когда-то добывали золото.

По диагонали по склону уходила дорога, теряясь за поворотом. Ущелье упиралось в гору и резко сворачивало вправо, так что казалось — дальше пути нет.

Мы долго стояли молча. Солнце уже клонилось к закату, когда мы решили возвращаться, договорившись, что следующее путешествие будет на Сибинские озёра.

Домой пошли не вдоль речки, а поднялись выше, к крайним домам. Дальше улицы уже не было — сразу склон ущелья.

Дома мама накормила нас и попросила сходить в магазин за хлебом. Я ещё не знал, где он, и Мишка вызвался показать.

Магазин оказался в центре посёлка. По дороге Мишка рассказывал, где что находится — я ведь дальше двора до этого не ходил.

— Вон там школа, трёхэтажная, — говорил он. — Там учимся. Ниже — администрация, там наши родители работают. А вон клуб — кино показывают, праздники отмечают, хор поёт. Я тоже хочу в хор пойти.

Подшли к магазину. У входа стояла толпа пацанов — от мелких до почти взрослых. Шумели, смеялись. Мишка поздоровался.

Один из них спросил:

— Что за хмырь с тобой?

— Сам ты хмырь, — ответил я, делая шаг вперёд.

— Ладно, ладно... Как тебя зовут?

— Меня не зовут — я сам прихожу. А так Витькой кличут. А вы кто?

— Мы шпана местная. Будем знакомы.

Они назвали свои имена.

— Откуда такой шустрый?

— Из города. Отцу работу дали, рядом с Мишкой поселились. Ладно, шпана, мать за хлебом послала — она строгая. Адью!

Мы взяли хлеб и пошли домой.

— Как ты их! — восхищался Мишка. — Я думал, драка будет.

— Отец говорил: не хочешь получить — начинай первым. Помогало.

— Научи меня!

— Тут учиться нечему. Не бойся. Вид делай, будто ты крутой. А если полезут — дерись.

— А если он сильнее?

— Палку, камень — что под руку. Главное — не бояться.

— Я боюсь...

— Будешь бояться — будут бить. Страх делает зайцем. Переборешь — станешь сильным духом.

— Отец у тебя на войне был?

— Был. Говорит, там тюфяки не выживают.

— Мой тоже был... но такого не говорил.

— Значит, считает тебя маленьким. А со мной он как с мужиком говорит.

Мишка задумался.

Так за разговорами дошли до дома. Мама сказала мыть руки и садиться ужинать. Мишка отказался — сказал, будет есть с родителями.

— Видишь, как родителей уважает, — сказала мама.

— Можно подумать, я не уважаю, — буркнул я.

— Бегом мыть руки. Отец скоро придёт.

Я побежал к умывальнику, а в голове всё ещё стояли скалы, Золотые ворота... и жёлтый камень, который лежал дома на столе и будто ждал своего часа.

Я подошёл к рукомойнику — пусто. Вёдра тоже сухие. Пришлось бежать к речке за водой. Набрал ведро, заодно умылся — кусочек мыла всегда лежал в выдолбленном углублении камня у берега.

Вернулся с водой — и как раз отец пришёл с работы. Взял у меня ведро, налил в рукомойник и начал умываться. Зачерпывал своими огромными ладонями воду, плескал на лицо, растирал по шее и груди.

Высокий, плечистый, с сильными руками — он казался былинным богатырём. Его уважали везде, где бы он ни появился, и звали только Иваном Карнилычем, а близкие друзья — просто Карнилычем. Мама рядом с ним казалась маленькой, едва по плечо. Недаром дед шутил, называл их «пат и паташонок».

Пока отец умывался, мама накрыла на стол. Ужин был как на праздник. Жареная на шкварках картошка — золотистая, с хрустящей корочкой, перемешанная с мягкими белыми кусочками. Любимое блюдо всей семьи. Три вида солонины. На тарелке горкой лежали жёлтые и красные помидоры — от одного вида слюнки текли. Огурчики, маленькие, с мизинец, хрустели как свежие. Арбуз ломтями — мама специально выбирала маленькие для засолки. И, конечно, рыбка, которую наловил я.

Когда все собрались, отец достал бутылку горячительного, налил себе и маме, а нам — клюквенного морса.

— Давай, мать, выпьем за сына... за его камень! Сегодня взял справку, завтра еду в город. Будет у нас дом, корова... всё будет. За тебя, сынок!

Мама хлопала глазами, ничего не понимая. Отец наклонился к ней и прошептал:

— Золото это... золото.

Потом уже вслух, строго:

— Малышня, ни звука никому. Зубы на замок!

Мы закивали — как рыбы немые.

Родители выпили ещё по стопке, мама убрала бутылку.

— Хватит. Тебе завтра ехать.

— Хватит так хватит, — согласился отец. — Председатель ГАЗ-69 даёт. Заодно в ГУТАПП заеду, запчасти получу.

После ужина отец сел на лавочку покурить. Мама с сестрой мыли посуду. Меня отправили носить воду. Работа немного остудила праздничную радость, но спать никто долго не мог. Было слышно, как родители шёпотом обсуждают, на что пойдут деньги.

Ночью мне снилось, будто я ловлю рыбу, а камни в реке все золотые. Пытаюсь поднять — тяжёлые, скользкие. Беру в руки — ладони покрываются золотом. Моешь — не смывается, трёшь о камни — не стирается...

Проснулся в испуге, побежал мыть руки, а они не в золоте. Рассказал маме сон, она засмеялась:

— А я почти такой же видела.

Оказалось, и сестра тоже. Завтрак прошёл весело. Мама смеялась, рассказывала смешные истории, будто сама помолодела.

Пока она была добрая, я спросил разрешения сходить на Сибинские озёра.

— С кем? С Мишкой? — спросила мама. — Мы там были, когда раньше здесь жили. Рыбы много, но озёра глубокие. Купаться можно только в первом — и то у берега. Далеко заплывать нельзя, воронки затягивают...

Она рассказывала, как один человек на лодке заплыл на середину — и исчез. Как мужики лазали за кедровыми шишками, как собирали ягоды ведрами, как ревень машинами вывозили. И про «змеиную горку», где водятся стрелки — прыгают высоко, ядовитые.

Может, мама специально пугала, чтобы мы не ходили. А может, правда.

— Мам, помочь чем? Воды натаскать?

— Беги гуляй. Я стирать буду, с сестрой из колодца наберём, полоскать на речку пойду.

— Тогда пойду Мишку будить. Время уже, а его нет.

Я вышел за калитку. Солнце стояло высоко, посёлок шумел своим обычным днём. И только мысль о жёлтом камне не давала покоя.

Впереди нас ждали озёра...

И я чувствовал — там нас ждёт что-то большее, чем просто прогулка.

Глава 8

Я вышел из калитки — и у Мишки в ту же секунду хлопнула его калитка. Мы посмотрели друг на друга и одновременно шагнули навстречу.

— Что, спишь, соня? — съязвил я.

— Мама воды натаскать попросила, — ответил он. — С работы придёт — стирать будет.

— Они что, сговорились сегодня стирать? — засмеялся я. — Меня мать отпустила, сказала под ногами не крутиться. Когда на Сибины пойдём? Я с ней договорился, она отпустила. Осталось с тобой решить.

Мишка почесал затылок.

— Давай так: сегодня поговорю с родителями. Если отпустят — завтра идём.

— Ну ты даёшь! — накинулся я. — Столько времени прошло, а ты ещё не говорил!

— Сам-то только что поговорил! — отбился он. — Так что не бузи. Лучше научи меня рыбу ловить — родителям так понравилась, что просят ещё.

— Ладно. Бери бидон и вилку с длинными зубьями. Пошли. У нас дома тоже за обе щёки уплетают.

Я зашёл домой, взял снасти, сказал маме, что, может, завтра на Сибины пойдём. Если Мишку не отпустят — один схожу, решил я.

Через его огород мы спустились к речке. Я показал, как аккуратно поднимать камень, как насаживать рыбку на вилку. Поймали несколько штук, я сказал:

— Действуй сам.

И разошлись по разным берегам. Через какое-то время у него стало получаться, он вошёл в азарт и крикнул:

— Давай, кто больше наловит!

— Вызов принят, — ответил я.

Я не торопился — камень надо поднимать медленно. А Мишка дёргал быстро, рыба у него разбегалась. Через два часа у меня бидон был полный, а у него и половины не набралось.

— Давай отсыплю, — предложил я. — Чтоб поровну было. И ещё доловим. Ты спешишь, поэтому рыба уходит. Поднимай камень тихо, тогда успеешь проткнуть.

— Понял. Сейчас попробую. Но отсыпать не надо — хочу сам!

Я сел на берегу наблюдать. Смотрю — наука пошла впрок. Через час и у него бидон был полный.

Мы зашли ко мне. Я оставил рыбу маме. Она ворча высыпала её в таз, промыла, слила воду и густо посолила.

— Мам, зачем столько соли?

— Рыба не потрошёная, много не возьмёт. А чтоб не пропала — солят крепко.

Потом пошли к Мишке. Он тоже промыл рыбу, посолил, написал записку матери: «Наловил сам», — и поставил таз в погреб.

Снова спустились к речке. Легли на большой камень — он нагрелся на солнце и приятно согревал после холодной воды.

Мы обсуждали поход на Сибины. Я рассказал всё, что говорила мама. Мишка подтвердил:

— Правда. И про Змеиную горку, и про озёра глубокие. Говорят, мужик на лодке утонул... давно, ещё до меня.

Мы молчали, глядя на воду. Всё неизведанное манило. Завтра мы собирались открыть для себя новый мир — целую вселенную, которая начиналась за поворотом ущелья.

И мы не знали, что этот поход станет началом истории, о которой потом будут вспоминать всю жизнь.

Глава 9

Ночь прошла необычно. Сны снились фантастические. Я летал — и не мог понять, во сне это или наяву. Просто поднимал руки в стороны и летел. Поднимался выше облаков, видел горы, реку и озёра Сибины. Я точно знал, что это они.

Озёра лежали полукольцом — почти круглые, как воронки от взрывов. Голубые чаши, обрамлённые каменными валами. Будто их создала не природа и не человек — слишком уж величественная была картина.

Когда я пролетал над средней чашей, на воде появилась маленькая воронка, словно кто-то проткнул поверхность острым копьём. Вокруг неё пошли круги — сначала один, потом другой, потом ещё... по всей глади озера.

Воронка стала раскручиваться. Отверстие росло, конус поднимался выше и выше, пока вода не ушла до самого дна. Потом воронка сузилась и превратилась в вращающийся столб, огромный и страшный. Он снова начал расширяться, превращаясь в чашу, и медленно осел, вернув озеру прежнюю гладь.

И в зеркале воды я увидел своё отражение.

Проснувшись, я долго не мог понять этот сон. Он повторялся потом ещё не раз. Тот магический столб манил меня какой-то силой. После таких снов я чувствовал прилив энергии — не в руках и ногах, а где-то внутри. Будто становился старше.

Летать было особенно приятно. Видеть людей сверху, их маленькие дома, поля... Взмывать к небу, потом опускаться в ущелье, где бродили незнакомые звери. Просыпаясь, я всегда хотел вернуться туда, в тот недоступный мир.

Эти сны я никому не рассказывал. Это была моя тайна.

И в то утро, проснувшись, долго не мог прийти в себя. Потом вспомнил — сегодня идём на озёра.

Я вскочил со своих полатей, оделся и вышел во двор. Было ещё рано: солнце только показалось из-за гор. Я сбегал к речке умыться — прохладная вода сразу прогнала остатки сна.

Во дворе уже хлопотала мама. Поздоровавшись, я спросил, чем помочь.

— Набери воды из колодца.

Я натаскал полный бак — четыре ведра.

Потом зашёл в мастерскую, взял ножовку по дереву и снова спустился к речке. Там рос куст черёмухи. Я выбрал два ровных ствола, сантиметра по четыре толщиной, отпилил, обрезал верхушки по своему росту. Дома очистил от веток, снял кору — получились отличные посохи. С ними и пойдём на озёра — мало ли что в дороге пригодится.

Убрал стружку, посмотрел — вода в рукомойнике опять кончилась. Пришлось снова сходить к речке с ведром.

Когда вернулся, мама уже накрывала на стол. Отец, потягиваясь, вышел из дома, сел на лавочку покурить.

Утро было тихим и ясным. Воздух пах травой и дымком из печей. Где-то крикнул петух. И мне казалось, что сегодня обязательно случится что-то особенное.

Потому что впереди были Сибины — таинственные озёра из моих снов.

Глава 10

Мама посмотрела на отца, качая головой:

— С утра пораньше дымишь... хоть бы поел сначала, потом уже курил.

— Не бойся, хватит ещё силушки, — усмехнулся отец.

Он встал, потянулся с хрустом, подошёл к умывальнику и принялся за водные процедуры.

Сели завтракать. Отец, поглядывая на меня, спросил:

— Что это ты сегодня так рано поднялся? И палки какие-то выстрогал... зачем?

— Мы же на Сибины идём. Это не палки — дорожные посохи. В дороге помогут... и от кого-нибудь отбиться можно.

Мама улыбнулась:

— Конечно, ты как Левша — что-нибудь да придумаешь.

— Кто такой Левша? Это тот, кто левой рукой работает? — удивился я.

Отец засмеялся:

— Нет. Был когда-то мастер, который блоху подковал.

— Какую блоху? Ту, что на кошках сидит?

— Да и на них тоже... — махнул рукой отец. — Заболтался, на работу опаздываю.

Он поднялся, но, уже у двери, обернулся:

— Так про Сибины... Купаться только в первом озере, и то недалеко от берега. Там столько людей пропало — не счесть. Думаю, вы умные, куда попало не полезете.

— Нас уже столько раз предупредили... Да и купаться мы не собирались. Просто посмотреть хотим — говорят, там красиво.

— Ну хорошо. Идите. Верю вам.

Отец ушёл, а я побежал к Мишке узнать, как у него с походом. Постучал в калитку. Он вышел заспанный, глаза трёт — видно, только проснулся. Ни дисциплины, ни будильника!

Я высказал ему всё, что думал, и приказал:

— Через полчаса будь у меня. Жду!

— А хоть поесть можно? — жалобно спросил он.

— Ешь, только не подавись, а то спасать придётся, а Сибины ждать будут! — пошутил я.

Вернулся домой — мама уже котомку собрала.

— Покушаете, — сказала она.

— Спасибо, мам! Надеюсь, недолго будем. Через неделю вернёмся — мы же в географическую экспедицию идём!

Я видел, как у неё округлились глаза, и поспешил добавить:

— Шучу. Там и так Мишкины родичи волнуются, а вот котомку собрать не догадались. Это ты у нас заботливая.

— Спасибо, хоть ты похвалил, — улыбнулась мама. — А где Мишка?

— Да спит как слон. Договорились же раньше выйти!

— Ладно тебе, сам вскочил ни свет ни заря... Вот и он.

Мишка стоял у порога.

— Кушать будешь? — спросила мама. — А то с таким другом, поди, и не позавтракал.

— Я перекусил...

Но мама уже накладывала кашу.

— Садись и ешь.

Мишка понял, что спорить бесполезно, и с удовольствием принялся за завтрак.

Мы сидели за столом, переглядывались и едва сдерживали улыбки. Впереди нас ждали Сибины — загадочные озёра из моих снов, дорога через ущелье и настоящее приключение.

И сердце билось быстрее от ожидания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.